

**«РЫЦАРЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» Н. М. КАРАМЗИНА
И «ЧЕРНАЯ КУРИЦА» А. ПОГОРЕЛЬСКОГО
(проблема преемственности)**

Сопоставление «Рыцаря нашего времени» (1803) Н. Карамзина и «Черной курицы» (1829) А. Погорельского может показаться неожиданным и даже странным. Роман о герое времени, стоящий у истоков русского биографического, культурно-героического романа¹ Пушкина, Лермонтова, Герцена, Тургенева — и «презабавная... детская сказка»², сюжет которой навеян «Эльфами» Л. Тика и «Щелкунчиком» Э. Т. А. Гофмана... В сознании современного читателя произведения Карамзина и Погорельского существуют как абсолютно не соприкасающиеся, живущие в разных контекстах. Отказавшись от этих традиционных представлений, мы сможем убедиться, что волшебная повесть Погорельского не просто связана с романом Карамзина. Она предполагает его знание, учитывает его опыт и является своеобразным продолжением его.

Карамзин открыл тему детства в русской литературе. Он принужден был доказывать ее важность, преодолевая консерватизм традиций, вкусов, разрушая скептицизм читателя, точка зрения которого сознательно включена в текст. Псевдоисторическому роману противопоставлена «романическая история одного моего приятеля»; «усопшим великанам человечества» Нумам и Аврелиям — обычный ребенок; «историческим небылицам»³ — «быль» (с. 761); утомительной растянутости — намеренно демонстрируемая краткость⁴; мучительной скуке — легкость и занимательность повествования. Именно новизной темы и откровенной полемично-

стью задания объясняется сложность художественной природы «Рыцаря нашего времени»: детальный анализ «внутреннего человека» оказывается здесь рядом с заявкой, художественно не реализованной, оставшейся на уровне декларации⁵. Карамзин не только «историк» человеческой жизни, «сердценаблюдатель», психолог⁶: душевный мир ребенка обрел в его лице восторженного почитателя и горячего защитника. Без этого художественно-публицистического «обоснования» темы детства было бы невозможно появление «Черной курицы» Погорельского. Глубокая внутренняя связь романа для взрослых и волшебной повести для детей обнаруживается благодаря многочисленным перекличкам.

Повесть Погорельского создавалась в 1825—1826 гг. Однако события, описанные в ней, происходят в середине 1780-х гг. («лет сорок тому назад»)⁷ и, значит, максимально приближены ко времени действия Карамзинского романа⁸. Алеша и Леон — ровесники: первому «не более девяти или десяти лет» (с. 139), второму в конце романа «исполнилось только одиннадцать лет от роду..» (т. 1, с. 780). Основная ситуация «Черной курицы» — мальчик, родившийся в провинции («далеко-далеко от Петербурга» — с. 139) и отданный в пансион, отнюдь не «противопоказана» «Рыцарю нашего времени». Возможность именно такого «продолжения», если бы, вопреки заявлению автора, оно «было» (т. 1, с. 782), запрограммирована особенностями воспитания в дворянской среде. Настоящее Алеши, таким образом, — осуществленный вариант вероятного будущего Леона. От столичного пансиона «десятилетнего деревенского мальчика» (т. 1, с. 773), по-видимому, спасли уроки французского, истории и географии, которые давала ему графиня Эмилия.

Карамзин подробно передает атмосферу родительского дома. В «Черной курице» Погорельского она «остается» за текстом. О ней напоминают лишь несколько деталей. Сначала Алеша «никак не мог приучиться к мысли, что он разлучен с родными своими» (с. 139). «Свое одиночество» мальчик «горько чувствовал», «когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой» (с. 139). От «доброй волшебницы» он ждет не только «игрушку или талисман», но и «письмечо от папеньки или маменьки» (с. 140), а «империял, составляющий все его имение», бережет «пуше глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки» (с. 143).

Оба мальчика читают «чужие» (взрослые) книги. Леон — покойной матери; Алеша — учителя-немца. Но читают по-разному. Леон («весь в мать!» — т. 1, с. 764), забывая «веселые игры своего возраста», «целый день (курсив здесь и далее мой. — Р. Л.) просиживает на одном месте, впиваясь» в книгу (т. 1, с. 764). Алешу, напротив, больше занимали веселые игры с товарищами по пансиону; книга становилась его «единственным утешением» только по воскресеньям и праздникам», когда он «*весь день* оставался один» (с. 139). Обстоятельства «обrekli» мальчиков на чтение разных книг («Даиры», «Мирамонда», «Истории лорда N» (т. 1, с. 764) и немецких рыцарских романов, волшебных повестей). Однако их влияние оказалось сходным. Они развили в героях Карамзина и Погорельского чувствительность, мечтательность и «донкишотство воображения» (т. 1, с. 772). Это один и тот же человеческий тип, сложившийся под воздействием сентиментальной культуры и, прежде всего, романа.

Художественные открытия Погорельского рождаются из интереса к материалу, намеренно отвергаемому его предшественником. Карамзин бежит от деталей («если бы я только хотел войти в подробности; но не хочу, не хочу!» (т. 1, с. 760)), Погорельский сосредоточивается на них. Общему (карамзинский роман — не что иное, как описание Леонова детства (т. 1, с. 760) — от рождения до одиннадцати лет) предпочтена частность — эпизод из детства, несколько дней из нескольких месяцев жизни мальчика. Главное происшествие «Черной курицы», безусловно, подсказано «Рыцарем нашего времени»: отважный герой «спасает несчастного» от «неизбежной и жестокой смерти» (с. 151). «Зависимость» от карамзинского текста не вызывает сомнений: она подчеркнута цитатой. Однако Леон — «избавитель» (курсив Карамзина — т. 1, с. 772) в мечтах. Совершаемые им подвиги разыгрываются в воображении. В «Черной курице» можно найти бесспорный аналог этой ситуации: «юное воображение» Алеши «бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по темным дремучим лесам»⁹ (с. 140). Цитата не точная. Она деликатно отредактирована: о содержании мечтаний героя не сказано ни слова, на них намекает многоточие: «Любимое занятие» Алеши «в длинные зимние вечера <...> было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие века...» (с. 140). Повтор сам по себе — отнюдь не

конечная цель писателя. Слово Карамзина разрастается у Погорельского в описание. То, что в романе Карамзина было всего лишь деталью, штрихом к характеристике героя, стало в повести Погорельского событием, свершающимся на наших глазах. Алеша — «избавитель» на деле. И опять неточная цитата. Слово карамзинского героя: «...он в опасностях всегда воображал себя *избавителем*» (т. I, с. 772) — переадресовано спасенному: «...Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алеше. Она как будто знала, что он ее *избавитель*: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселым голосом» (с. 143). Благодаря изменившейся точке зрения возникает новый сюжетный мотив (благодарности) и, как следствие, — заслуженной «награды» (с. 151).

Карамзин показывает формирование характера под влиянием семейного воспитания, природы и среды, т. е. извне. Погорельский исследует те изменения, которые совершаются изнутри, — разлад с собой, утрата добродетели, а вместе с нею и любви окружающих людей; долгое, мучительное возвращение к самому себе и обретение гармонии с миром. Переакцентировка произошла благодаря усложнившемуся представлению о характере. Уже у Карамзина «рыцарь нашего времени» — это «человек, совмещающий в себе благородство „чувствительного“ героя со слабостями и даже пороками его антипода»¹⁰. И все же завершающее роман посрамление нового Актеона — только «маленький случай» из жизни Леона. «который может быть растолкован так и сяк» (т. I, с. 780). Этот эпизод романа спроецирован на греческий миф и описан с откровенной иронией. «Несчастный Актеон», дерзнувший увидеть «*богиню без покрова*» (курсив Карамзина), спасается от собак бегством «во весь дух» и «благополучно» убирается «за ближний холм» (т. I, с. 782). Ожидаемого конфликта не происходит. Оба героя смущены. Леон с «*отменным*» (курсив Карамзина) жаром» (т. I, с. 782) целует руку графини, в то время как Эмилия «другою рукою тихонько драла его за ухо. Во весь тот день Леон казался чувствительнее, а графиня — ласковее обыкновенного» (т. I, с. 782). К возможным «последствиям» описанного события литература еще безразлична.

Погорельский начинает там, где останавливается Карамзин. Развившийся порок становится в «Черной курице» источником психологической драмы. Она показана во времени и, следовательно-

но, дана в движении: она имеет начало, развитие, конец. Она гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Превращение «доброго, милого и скромного мальчика» в «страшного шалуна» (с. 157), гордеца, лгуна мотивировано психологически и дает основание говорить об изначальной сложности натуры Алеши. Обратим внимание на детали, предостерегающие читателя от однозначного представления о характере героя. Он добр, но ветрен¹¹, шаловлив и «никогда» не слушается «с первого слова» (с. 149). Он может быть самонадеянным и «внутренне смеяться» (с. 154) над предостережениями старших... Он не «рыцарь нашего времени», а обыкновенный мальчик, уже усвоивший уроки светского обхождения (Леону давала их графиня Мирова) и потому умеющий сдерживать или скрывать естественность реакции и непосредственность чувств: «Ему это очень показалось смешно, но он из учтивости не сказал ни слова» (с. 153). Именно боязнь показаться «неучтивым» заставила героя Погорельского «поспешить с ответом» королю и, не имея времени «придумать что-нибудь хорошее», попросить в качестве награды то, что он попросил: «не учившись», «всегда знать урок свой...» (с. 152). Такова экспозиция героя.

Маленький человек не сразу уступает пороку. Однако эта борьба показана лишь в самых общих очертаниях. Сначала Алеша «внутренне стыдился» (с. 156) незаслуженных похвал, и «совесть часто его в том упрекала» (с. 157). Мальчик, который еще совсем недавно был не способен «принять на свой счет того, чего никогда не делал» только потому, что «любил правду» (с. 151), уже не может и не пытается быть искренним. Самая большая утрата на этом этапе развития психологической драмы героя — равнодушие к другу. Алеша не просто забывает Чернушку. Он находит казуистическое объяснение ее отсутствия: «она, вероятно, занята важными делами по своему званию» (с. 156). Любование самим собой вытеснило любовь к другу. Теперь он принимает «похвалы, которыми его осыпали, не краснея» (с. 157). Угрызения совести и «намерение исправиться», которое «он иногда принимал» (с. 157), подавлены сильным самолюбием.

Потеря конопляного семечка, казалось бы, приближает героя к возрождению, возвращая ему потребность в общении с товарищами и горькое сознание того, что он заслуживает их презрение. Алеша вспоминает Чернушку, но уже не для того, чтобы она дала

ему «другое зернышко» (с. 158). Он наконец-то понимает, что черная курица его «оставила» (с. 159). Однако возрождения не происходит; для того, чтобы оно стало возможным, необходимо было переступить последнюю черту — оказаться неблагодарным, нарушить честное слово, обмануть доверие друга и стать причиной бед целого народа. Предательство Алеши чаще всего объясняют его «замешательством», вызванным «угрозами учителя»¹². Думается, мотивировка Погорельского и более сложна, и не столь определена: оскорбленное самолюбие (в первый раз за все время существования пансиона наказали розгами и «кого же — Алешу, который считал себя лучше и умнее всех!» — с. 162), отчаяние, стыд, сознание, что он не заслуживает сострадания товарищей... Однако в искренность героя уже никто не верит. Правда, цена которой — благополучие народа, воспринимается окружающими как самая невероятная ложь — «сказка» (с. 162).

Карамзин твердо убежден в том, что душа Леона «образовалась<...> для любви» и что он «никогда<...> не отстанет от нежной привычки жить для кого-нибудь» (т. 1, с. 759). Погорельскому эта истина уже не кажется незыблемой. «Черная курица» оставляет впечатление художественного эксперимента, суть которого в том, чтобы проверить выводы своего предшественника. В контексте повести Погорельского эти построения Карамзина кажутся умозрительными. Не быть эгоистом совсем не просто. Любовь Алеши к Чернушке поначалу не вызывает у читателя сомнения. Вспомним, с какой решительностью подавляет он в себе собственническое чувство: «Алеше очень, очень жаль было империяла, но он вспомнил о Чернушке и с *твердостью* отдал драгоценный подарок» (с. 143). Однако испытания славой, внезапно обрушившегося на него, мальчик не выдерживает. Любовь к себе оказывается сильнее любви к другому, сильнее чувства долга и благодарности. И только страдание, непоправимая беда, причиненные другим, рождают чувство вины и возвращают героя к добродетели.

Не сумев сохранить тайну, доверенную Алеше Чернушкой, герой Погорельского смог выполнить последнюю ее просьбу: «Одним только ты можешь меня утешить в моем несчастье: старайся исправиться и будь опять таким же добрым мальчиком, как был прежде» (с. 164).

В финале волшебной сказки повествование, совершив круг, возвращается к началу: «Алеша <...> старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным. Все его снова полюбили...» (с. 164). Однако сам процесс исправления героя в «Черной курице» еще не показан. Между прошлым и настоящим Алеши — нравственное потрясение, беспамятство, сильная горячка, продолжавшаяся несколько недель. О внутренней борьбе и обо всем, что кажется теперь мальчику «тяжелым сном», напоминает одно слово — «старался» («старался быть послушным, добрым, скромным и прилежным» — с. 164). В искоренении порока — единственный путь «исправления самого себя». Надо «самим вырывать, вымывать, вывертывать его из себя»¹³, — скажет героиня толстовской «Молитвы» после чтения «Черной курицы». Этот нравственный урок русская литература извлекла из волшебной повести Погорельского, несомненно, приблизившей появление толстовского «Детства».

Оба автора представляют свои сочинения читателю как рассказ о том, что имело место в действительности, что было. Но делают это по-разному. «Рыцарь нашего времени» создается как *романическая история* (курсив Карамзина) одного моего приятеля» (т. I, с. 755). Этим обстоятельством мотивировано появление рассказчика среди действующих лиц и «монополия» его точки зрения. Он знает своего друга с младенчества, помнит отца Леона, отставного капитана Радушина, и его друзей, он «видел милый портрет графини...» (т. I, с. 777). Однако стилистически и синтаксически рассказчик в романе Карамзина не отделен от автора. Он не только и не столько рассказывает (особенно в I части романа, главы I—V), сколько описывает, вступая в пространные объяснения с читателем и литературную полемику, иронизируя не только над своими предшественниками, но и над собственным слогом. Повествовательная манера Карамзина ориентирована на определенную традицию (Стерн), узнавание и подключение к условиям навязываемой ею «игры» вполне посильно взрослому, культурному читателю «Рыцаря нашего времени».

Подобно своему предшественнику, Погорельский строит «Черную курицу» как диалог с читателем. Однако его повесть адресована ребенку, и потому повествование в ней выдержано в той спокойной, объективной манере, которая появляется лишь

во второй части карамзинского романа¹⁴ (главы VI—XIII). Образ рассказывающего в «Черной курице» практически не обозначен. Читателю известно лишь, что он петербуржец почтенного возраста, проживший долгую жизнь («мой век» — с. 138) и хорошо помнивший то, что было «лет сорок тому назад» (с. 139). Ощущение достоверности его рассказа, однако, достигается не этими немногими личностными чертами, не редким «я», возникающим в ходе повествования («я, может быть, поговорю с вами» (с. 138); «как уже вам сказывал» (с. 139); «я забыл сказать вам» (с. 140). Основным доказательством подлинности происходящего становится подробность, с которой в повести Погорельского воссозданы реальный и фантастический миры. Но подобное всеведение доступно лишь автору. Повествование в «Черной курице» ведет автор. Он лишь иногда пытается «выдать» себя за рассказчика.

Карамзин отчетливо сознает, что «должен смотреть на предметы единственно глазами героя» (т. 1, с. 781—782) своего. Погорельский реализует чужую «заявку» с большей последовательностью. Видение рассказчика ограничено. Он описывает не чувства героя, а их внешнее проявление — жест, мимику: «Леон ободрился <...> взглянул еще и вдруг переменялся в лице; заплакал, хотел скрыть слезы свои и не мог» (т. 1, с. 773). Сообщение о мыслях героини требует обязательной оговорки: «Так могла думать графиня...» (т. 1, с. 778). Избранная Погорельским форма повествования (от автора), безусловно, расширила возможности изображения внутренней жизни ребенка. Автор знает, что думает, чувствует, переживает его герой в определенный момент, «сейчас»: «Алеша внутренне смеялся этому...» (с. 154); «Увидим, — подумал он, — сдержит ли слово свое король!» (с. 155); «Внутренний голос ему говорил...» (с. 156, 157). Толстой сократит эти моменты психической жизни человека до секунды, долей секунды и задержит на них микроскоп. В «Детстве» писатель покажет течение чувств, их борьбу, переходы одного чувства в другое, словом, сам психологический процесс. Помнил ли он тогда о «Черной курице», неизвестно, но волшебную повесть Погорельского любил и включил в список литературных произведений, оказавших «очень большое»¹⁵ влияние на его духовное развитие в период детства и отрочества.

Примечания

1. Термин Л. В. Пумпянского. — См. об этом: *Пумпянский Л. В.* Романы Тургенева и роман «Накануне» (историко-литературный очерк) // *Тургенев И. С.* Соч. М.; Л., 1930. Т. 6. С. 9—24.

2. Из письма В. А. Жуковского Дельвигу // *Русский архив.* 1891. № 7. С. 364.

3. *Карамзин Н. М.* Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 755. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

4. «... я мог бы еще многое придумать и раскрасить; мог бы наполнить десять, двадцать страниц...» (т. 1, с. 760)

5. Например, мысли о «влиянии на характер моего героя» «бесед» друзей отца: «... от вас набрался духу русского и благородной дворянской гордости...» (т. 1, с. 771) и др.

6. См. об этом: *Канунова Ф.* Из истории русской повести (историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). Томск, 1967. С. 144—156 и др.

7. *Погорельский А.* Избранное. М., 1988. С. 138. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

8. Судя по хронологическим приметам, время в романе Карамзина не «расчислено по календарю». Леон родился до 1762 г. («Тогда не было еще „Эмиля“, в котором Жан-Жак Руссо...» — т. 1, с. 758). Мальчик осиротел в семь лет, т. е. не позднее 1768 г. Однако среди книг, принадлежавших его покойной матери, — «История лорда Н» (П. Н. Берков полагает, что это роман «Приключение милорда, или Жизнь молодого человека, бывшего игрищем любви»), опубликованная в 1771 г. (т. 1, с. 809)

9. Цитата из «Рыцаря нашего времени»: «Натура бросает нас в мир, как в темный, дремучий лес» (т. 1, с. 764). Однако то, что было у Карамзина частью сравнения (его средством), призванным выделить наиболее важный признак объекта сравнения, стало самостоятельным образом.

10. *Кочеткова Н. Д.* Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам // *Русская повесть XIX в.: История и проблематика жанра.* Л., 1973. С. 74.

11. Цитата из «Бедной Лизы» Карамзина. Ср.: «Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветренным» (т. 1, с. 610).

12. См. рецензию Н. Н. (Московский вестник. 1829. Ч. VI. С. 152).

13. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 41. С. 131.

14. Об этой особенности повествования в «Рыцаре нашего времени» Карамзина см.: *Канунова Ф.* Из истории русской повести (историко-литературное значение повестей Н. М. Карамзина). С. 154—155.

15. Цит. по: *Бирюков П. И.* Биография Л. Н. Толстого. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 46.